

Глава 146: Желание Ван Чуна!

Однако, в отличии от деда, Ван Чун чувствовал глубоко скрытую темную ауру от Су Чжэнчэня.

Человек перед ним, казалось, запечатал себя в своем собственном мире, отделив себя от внешнего мира. Не желая говорить с другими, он избегал любых социальных взаимодействий.

Даже для Ван Чуна единственной связью с ним была эта золотая шахматная доска.

Другого взаимодействия не было, и Су Чжэнчэнь, похоже, интересовался только этим!

Взглянув на бога войны Великого Тана, Ван Чун внезапно почувствовал сочувствие. Он не был чужд этой ситуации.

В своей предыдущей жизни, когда он потерял все, он однажды впал в это состояние. Ничто не могло заинтересовать его, не было ничего, чего он хотел. Единственная причина, по которой он продолжал жить, заключалась в том, чтобы выполнить миссию, предоставленную ему.

«... Су Чжэнчэнь, вероятно, тоже такой».

Подумал Ван Чун, он вспомнил бедственное положение этого старца. Су Чжэнчэнь потерял сына в расцвете сил и своего внука в более поздние годы. Все, что он имел, было оторвано от него, оставив его одного в этом мире.

Разве это не было похоже на тогдашнее положение Ван Чуна?

Единственное различие заключалось в том, что Ван Чун был перевоплощен. Он получил возможность изменить судьбу и воссоединиться со своими членами семьи.

Но Су Чжэнчэнь был другим. Его единственная цель в данный момент, вероятно, найти подходящего преемника и передать ему «Искусство уничтожения Богов и Демонов».

Или, возможно, как бог войны Великого Тана, он просто надеялся выполнить свою миссию и защищать свою страну до самой смерти!

Он все еще любил эту страну, хотя Император Тайцзун, которому он преданно служил, оставил указ, запрещающий любому последующему императору снова использовать этого бога войны, а также запрещал ему возглавлять армию или снова иметь какие-либо связи с военными.

При этом решимость Ван Чуна усилилась. Несмотря ни на что, он решил изменить судьбу этого старца. Он хотел вывести его из внутреннего уединения и позволить ему счастливо прожить свою оставшуюся жизнь. Он не хотел, чтобы трагедия повторилась, и чтобы этот уважаемый старший снова умер в печали и одиночестве.

«Старейшина, победа и проигрыш - обычное явление на войне. Почему бы нам не сыграть еще один матч?»

Неожиданно спросил Ван Чун.

Су Чжэнчэнь поднял голову, и легкое сомнение мелькнуло у него в глазах. Отношение Ван Чуна, казалось, было немного странным. Несмотря на это, он не отклонил предложение и кивнул в знак согласия.

Вскоре камни на золотой шахматной доске были удалены и они уселись напротив друг друга,

начался в другой матч. В отличие от предыдущего, на этот раз они не делали один шаг за день.

Скорее, они играли полный матч лицом к лицу.

Су Чжэнчэнь хотел использовать шахматное образование, которое он создал, чтобы выбрать преемника, но уровень Ван Чуна, казалось, намного превосшел его требования.

Пун! Пун! Пун!

Все поле медленно затихло. Ветер дул, и гигантская крона Китайского дерева ученого дрожала. Лист за листом плыли в воздухе; некоторые из них падали на шахматную доску, а некоторые дрейфовали по сторонам.

Су Чжэнчэнь был сдержанным человеком. Согласившись на матч-реванш с Ван Чуном, он сел прямо, будто копье, воткнутое в землю, напоминая дисциплинированного военнослужащего.

Ван Чун не проигрывал Су Чжэнчэню с точки зрения положения. В своей предыдущей жизни он был Великим Главнокомандующим Центральными Равнинами.

Тем не менее, Ван Чун пытался более или менее скрыть часть способностей. Кроме того, учитывая его физическое тело пятнадцатилетнего ребенка и его слабую культивацию, Ван Чуну было трудно полностью выявить представительность, принадлежащую Великому Маршалу.

Ван Чун даже дошел до того, что расслабил свое тело, и атмосфера была не такой напряженной и казалась совершенно обычной.

Су Чжэнчэнь обладал необычайными талантами в битве, но было жаль, что его противник был самым талантливым «Военным Святым» в будущих Центральных Равнинах.

Они двигали свои войска, чтобы сталкиваться с противником на сложной шахматной доске. Армия Су Чжэнчэня была мощной, но перед войсками Ван Чуна они могли только беспомощно падать.

Медленно, белые камни Су Чжэнчэня на доске уменьшались, в то время как черные камни Ван Чуна увеличивались. Су Чжэнчэнь направил всю свою мудрость в шахматную доску, но казалось, что у Ван Чуна всегда была план прямо перед ним, независимо от того, куда он направлялся.

Бессознательно, Су Чжэнчэнь снова оказался в отчаянной ситуации.

На шахматной доске было очень мало ходов, и Су Чжэнчэнь снова оказался в окружении врагов.

Ветер свистел в окрестностях.

Удерживая белый камень в руках, густые снежные брови Су Чжэнчэня крепко сплелись. Посмотрев на шахматную доску перед ним, он снова замолчал.

Все вокруг стало тихим. Ван Чун с легкой улыбкой посмотрел на шахматную доску, терпеливо ожидая, чтобы Су Чжэнчэнь сделал свой ход.

«Еще раз!»

После долгого периода времени Су Чжэнчэнь взял камень в руку и произнес два слова. На этот раз он был инициатором просить реванш. После этого он плотно закрыл рот, не говоря ни слова.

«Хорошо!»

Ван Чун улыбнулся в восторге. Он спокойно собрал камни и начал другой матч. Затем лошади и пехота обеих сторон снова начали сталкиваться на этом кровавом поле битвы.

Неосознанно небо потемнело и весь район Призрачного дерева впал во тьму.

«Старый мастер, уже поздно. Почему бы нам не вернуться и сыграть в другой день?»

Внезапно, за деревом Китайского ученого появился обычный черноволосый старик. Со слегка сгорбившимся телом старик с беспокойством посмотрел на Су Чжэнчэня.

Увидев этого худощавого старика, Ван Чун почувствовал, как будто его сердце было укололо иглой. Его глаза сузились, его тело дрожало, и сердце его яростно билось. Он почти не мог сдержать шокированного восклицания.

Прошрое знакомство!

Ван Чун узнал этого человека. Он был Фан Хун, старый слуга Резиденции Су. Он был ребенком старого слуги Резиденции Су, и он вырос там.

После того, как Су Чжэнчэнь потерял сына и внука, он уволил всех горничных и слуг, оставив только этого верного старого слугу рядом с ним, чтобы тот служил ему до самой смерти.

Причина, по которой Ван Чун узнал его, состояла в том, что этот старый слуга был тем, кто рассказал ему о делах Су Чжэнчэня.

Однако Ван Чун вскоре успокоился. Несмотря на то, что он узнал Фан Хуна, этот старый слуга не мог его узнать.

«Старший!»

Ван Чун, отодвинул свое волнение и встретил его с вынужденной беззаботностью.

Этот Фан Хун выглядел намного моложе, по сравнению с тем, каким Ван Чун его помнил. В то время волосы другой стороны были уже совершенно белыми, и на его лице были выгравированы следы времени.

Кроме того, в отличии от верного старого слуги, который не мог преодолеть печаль, потеряв своего мастера, нынешний Фан Хун все еще выглядел живым.

Ван Чун не мог не чувствовать себя счастливым за него.

По крайней мере, эта трагедия еще не состоялась.

«Старший, уже поздно. Я должен вернуться сейчас, почему бы нам не сразиться завтра?»

Ван Чун улыбнулся Су Чжэнчэню.

После воспоминания Фан Хуна Ван Чун внезапно вспомнил вопрос. Су Чжэнчэнь ограничил

себя правилом; независимо от того, нужно ли играть в шахматы или делать что-либо еще, он должен был вернуться в Резиденцию Су до захода солнца.

В противном случае, если бы патрулирующий член Императорской Армии заметил его и отчитался перед королевским дворцом, это могло бы вызвать огромный шум.

Су Чжэнчэнь не хотел привлекать к себе внимание такого человека из королевского дворца. В конце концов, если это случится, все заметят его.

В течение стольких лет, со времен Императора Тайцзуна, Су Чжэнчэнь держал низкий профиль, и так он жил до сих пор.

Это уже стало инстинктивной привычкой.

Несмотря на то, что Ван Чун не одобрял этого, в этот момент он ничего не мог сделать. Это был первый раз, когда он встречался с другой стороной. Учитывая ограниченное время, которое они провели вместе, даже если бы он хотел посоветовать ему отбросить эту привычку, это должно было быть чем-то в будущем.

Су Чжэнчэнь молча посмотрел на Ван Чуна, прежде чем взглянуть на шахматную доску. На сложной шахматной доске белые камни были вынуждены рассеяться под натиском черных камней.

Он проиграл и этот матч.

Подумать только, что бог войны, который доминировал на поле боя, проиграет подростку. Только сама мысль об этом казалась непостижимой.

Но это случилось прямо перед ним.

Ван Чун сражался и сумел добиться хорошего конца, оставив другой стороне свое достоинство.

Глубоко взглянув на Ван Чуна, Су Чжэнчэнь, наконец, встал.

«Фан Хун, пойдём».

После чего Су Чжэнчэнь слегка помахал рукавами, обернулся и медленно ушел.

Ван Чун, глядя на уходящую фигуру Су Чжэнчэня, улыбнулся. Затем он встал и ушел.

...

«Для того, чтобы река замерзла на три фута глубины, требуется более одного холодного дня». Открывать замкнутое сердце было непростым делом.

Намерения Ван Чуна о том, чтобы Су Чжэнчэнь стал выходить из жуткой и зловещей Резиденции Су, не были чем-то, чего можно было бы достичь за короткий промежуток времени.

Однако во всем всегда был первый шаг. Накопив кусочки, можно было бы в один прекрасный таким образом накопить гору.

На второй день Ван Чун снова отправился в район Призрачного дерева.

Золотая шахматная доска была помещена под деревом Китайского ученого, а за шахматной доской сидела знакомая фигура. Снежные белые волосы и черная одежда, он сидел неподвижно посреди утреннего ветра. Казалось, он уже довольно долго ждал.

«Старший, доброе утро!»

Ван Чун поприветствовал и сидел напротив Су Чжэнчэня.

«Поспешите, идите сюда!»

Ван Чун поманил за свою спину, и несколько охранников немедленно подошли с маленьким столиком и поставили его рядом. Затем они положили маленькую тарелку с арахисом и две пары изысканных палочек для еды.

«Что это?»

Нахмурившись, Су Чжэнчэнь мгновенно взглянул на маленький стол, прежде чем смотреть на Ван Чуна с сомнением.

«Это арахис!»

Ван Чун усмехнулся с удивленным взглядом: «Не может быть, что вы даже не узнаете арахис!».

Су Чжэнчэнь ничего не сказал, но нахмурился.

«Ха-ха-ха, старший, вам не кажется, что слишком скучно играть в шахматы? Разве это не хорошо, если есть закуска рядом? Начнем, вот ваши палочки для еды».

Ван Чун усмехнулся, как будто он только что понял смысл, стоящий за жестом другой стороны.

Изменения всегда начинаются постепенно, и единственное намерение, которое питал Ван Чун, состояло в том, чтобы сделать старшего счастливым.

Он был богом войны Великого Тана, и для этой империи, для Центральных Равнин и всего населения, он предложил всю свою жизнь.

Такой человек заслуживал счастья!

Мир был обязан ему!

Ван Чун действительно хотел получить «Искусство уничтожения Богов и Демонов», но более того, он выразил надежду, что этот благородный Старейшина мог провести свои последние годы в счастье!

И эта тарелка арахиса была только началом!

Ван Чун считал, что однажды он сможет помочь этому старшему выйти из тени и принести улыбку на его лицо!

Все окружающее молчало, за исключением случайного шелеста листьев.

Су Чжэнчэнь с сомнением смотрел на Ван Чуна, но, в конце концов, решил промолчать.

<http://tl.rulate.ru/book/3937/164597>